

Бесцельно шагая по лагерю, я слежу за своей командой, мой котенок послушно следит за моими каблуками, изредка набрасываясь на качающуюся траву. Сделать себя доступным, увидеть работу, отступить к уединению, мне нужен отдых, совет, данный Аканьай. Это глупо, никто не просит меня о помощи, все они скорее получают совет от Тадука или Токты, или даже от Лин. Я не могу относиться к их проблемам, потому что я никогда не сталкивался с ними сам, крошечный источник уверенности в себе, они в основном сироты и беспризорные дети, которые не умеют даже читать.

Не важно, я что-то делаю, только то, что я, кажется, делаю что-то важное, Лидерство. Никогда не сидеть без дела, всегда смотреться занятым, и твои подчиненные последуют этому примеру. Хорошая трудовая этика, чтобы привить людям, но я не уверен, что это необходимо, все эти искалеченные солдаты старательны и трудолюбивы, с энтузиазмом лечат свои раны. Я не понимаю, почему все делают панацею с разной скоростью, я не уверен, как ускорить этот процесс. Работай усерднее.

Остановившись рядом с гримасничающим Булатом, я пытаюсь дать совет, громко говоря, чтобы его подслушали. «Пусть твоя боль уходит в тень, не позволяй ей контролировать тебя. Знайте об этом, но не обращайтесь на это внимания».

Раздраженный, он еле удерживается от закатывания глаз и говорит что-то грубое. «Остань Рэйн, ты странный, когда речь идет о боли, у меня нет никаких средств, чтобы сравниться с тобой». Несколько ревнивых бормочущих солдат вокруг меня показывают, что он не одинок в своих рассуждениях, наполняя меня негодованием.

«Просто ... Ох, послушай, хорошо? Это как медитация, но разная. Осознавая только само осознание, вроде того».

«Всем, успокойтесь». Наша беседа привлекла больше внимания, большая часть моей команды следила за мной, неподвижно, игнорируя мое предложение. «Черт, успокойтесь! Это приказ, ложитесь, откидывайтесь назад».

Моя вспышка заставляет их двигаться, дисциплина и послушание пробуждаются в них, но они не ложатся и не откидываются назад. Это не работает. «Я сказал тебе расслабляться, что я должен сделать, отталкивать вас всех?». Напряжение таит, но все-таки мне удастся услышать несколько смешков в мой адрес.

Я направляю их дышать длинными медленными вдохами, ожидая, когда исчезнут последние признаки страха. «Сосредоточьтесь на своей боли. Изучите это. Знайте, где это начинается и где это заканчивается. Признайте и примите это ». Надеюсь, они попытаются, иначе я зря теряю время. «Теперь отложите это в сторону и сосредоточьтесь на остальной части вашего тела. Исследуйте свои чувства. Холодный ночной воздух, запах дыма, щекотание травы».

Мы делаем еще несколько умственных упражнений, таких как диссоциация, образность или ментальная анестезия, но в конце ночи моя команда упаковывает вещи и уходит. Добро пожаловать сегодня, так же, как вчера. По крайней мере, я могу сказать, что пытался. Рустрем слегка кивает, радуясь, что я вступаю в свою роль, но я предпочел бы возложить на него всю ответственность, или, еще лучше, я мог бы все это передать Вишеру. Этот майор был уволен из армии по прибытии в Шен Хо, страдая от без руки и сломанной спины. Токта легко справился с этими проблемами, он быстро стал стражем, как только смог. Я попросил его «помочь» с моим отрядом, но Аканьай немедленно наложила вето на мою просьбу, прямо изложив мои

намерения отдать всю мою работу ему. Я начинаю понимать, что мой ум постоянно нарушается.

Булат делает паузу, направляя Равиля обратно в свою палатку, вручает мне фляжку. «Дистиллированный спирт из зерна». На вкус это похоже на горение, которое быстро улетучивается в устойчивое тепло в моем животе. «Твои маленькие хитрости были полезны. Учил ли Целитель этим уловкам? Ты научился излечивать себя?».

Сделав еще один глоток, я качаю головой, пытаюсь удержаться от кашля. «Нет, я научился всем этим самостоятельно, работая на шахтах. Нужно было найти способ справиться с болью, как с рабом, но об этом нечего говорить». Отдавая свою фляжку, я бормочу вежливое прощание и возвращаюсь в лагерь, останавливаясь, чтобы поиграть с котятками перед сном.

Упав в постель, я представляю, что Мила делает, у нее немного озорная улыбка, невинное игривое настроение, о котором я только недавно узнал. Это имеет смысл, она ребенок, пусть даже не семнадцати лет, но это подчеркивает, как мало я на самом деле знаю о ней. Мила, на которой я женился, та, о которой я мечтал, она не была похожа на настоящую Милу. Я знаю это, я верю в это, так почему мое сердце все еще трепещет, когда я вижу ее? То же самое можно сказать и о Ли Сонг, у нее даже нет личности, я сделал ее для нее, но он

Это не ее вина, проблема, возможно, во мне, у меня даже не было правильного цвета ее глаз, считая их коричневыми, а не зелеными. Красивые, изумрудно-зеленые глаза, которые я мог бы потерять ... Я еще не выяснил, как иметь дело со своими эмоциями, кроме игнорирования их, время выбора из-за отсутствия лучших вариантов. По крайней мере, с Лин ничего не изменилось, все еще сдерживая себя от обнимания прелестной девушки. Ах, черт возьми, может мне нужна хорошая задница, чтобы прочистить мне голову. «Мила, ты готова к быстрому реагированию?».

Чертовское дерьмо!

«Рэйн?» Мила осторожно подходит ко мне, беспокоясь о моем состоянии "Что случилось? Что-то не так?".

«Слушай ... не играй глупо, мы оба знаем, что ты сдерживаешься».

«Подожди. Прости, это не твоя вина, у меня просто такое настроение. Я не должен выносить это на тебя».

«И-д-и-о-т!..» Она подчеркивает каждый слог, говоря медленно.

«Рэйн, а сон, просто сон. Проснись наконец!».

Выбирая еще один холм, я бегу по твердой грунтовой дороге, проклиная человека, который проектировал этот глупый, извилистый путь. Это слишком много. Вверх, вниз и снова вверх, это как будто я бегу по постоянному склону. Десять дней марафона, я не знаю как, но я буду проклят, если я когда-нибудь снова заведусь. Если прошлый опыт научил меня чему-либо, я собираюсь попытаться бросить всё это, но только как.

Бег - это гребаная пытка. Это все в силе воли. Я прислоняюсь к дереву, жажда, желчь поднимается в горле, сердце бьется в груди. Когда утихают боли, я тянусь и пью скупое, не зная, сколько остается времени до наступления темноты.

«Пей больше, а потом приходи ко мне на прогулку».

Рикша Тадука ждет меня, его беспокойство наполняет меня теплом, и несмотря на то, как я отчаянно хочу принять его предложение, я неохотно качаю головой.

Я не могу вести себя как самый зрелый человек, но я все еще чувствую, что я старше, с большой неизвестной границей.

<http://tl.rulate.ru/book/591/89312>